

КАК
МЫ
ЖИЛИ

Ирина Велембовская

Молодая
жена

Как мы жили. Кинообложка

Ирина Велембовская

Молодая жена

«Азбука»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Велембовская И. А.

Молодая жена / И. А. Велембовская — «Азбука», 2025 — (Как мы жили. Кинообложка)

ISBN 978-5-389-30934-0

Ирина Велембовская всегда с любовью и большим уважением писала о самых обычных людях, переживших страшную войну и строящих свою жизнь в непростые послевоенные годы. Послевоенный быт – и сельский, и городской – Велембовская рисует мастерски. И герои ее – неизменно живые, настоящие, не киношные и не книжные. Это относится ко всем рассказам и повестям, вошедшим в этот сборник. Ее героини очень разные: простодушные и наивные, как Аля из «Женщин», Маня из рассказа «Как за каменной стеной», с хитрецей, о которых говорят «себе на уме», как Анна Доброхотова из «Сладкой женщины», честные и прямые, как Мариша Огонькова из одноименной повести, Варвара из повести «Ларион и Варвара». Но всех их объединяет страстное, непреодолимое желание во что бы то ни стало найти счастье, любить и быть любимыми. Рассказ «Как за каменной стеной» лег в основу фильма «Молодая жена», названного лучшим по опросу журнала «Советский экран». В нем играли звезды – Анна Каменкова, Владлен Бирюков, Галина Макарова, Сергей Проханов. Режиссером был Леонид Менакер, автор множества популярных и любимых зрителями кинокартин. Но вряд ли фильм был бы успешным, не будь рассказ Велембовской столь талантливо написан. Главная героиня, Маня, выходит замуж не по любви, а от безнадёжности и отчаяния. За мужем – вдовцом, основательным и крепким хозяином – она будет как за каменной стеной. Но вот только стену эту хочется отодвинуть, чтобы увидеть солнце, небо, свободу.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30934-0

© Велембовская И. А., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

За каменной стеной	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Велембовская

Молодая жена

© И. Велембовская, наследники, 2025

© Издание на русском языке, оформление. Издательство АЗБУКА, 2025

© Киностудия «Ленфильм», 2025

* * *

За каменной стеной

1

Когда Маня добралась до железнодорожного разъезда, была тихая черная ночь. Дождь, моросивший с вечера, уже прошел, но было очень влажно, туманно; каждый придорожный куст, овражек, ложбина полны темноты и сырости.

Оставив подводу у переезда, Маня взяла с телеги отсыревший ватник, пошла в станционное помещение.

– Не опоздает ночной?

– Три ноль-ноль, – сонно ответила дежурная.

Без пяти минут три Маня вышла на полотно. Поля вокруг из черных стали серо-голубыми, бескрайними. Над болотцем около насыпи лежало сырое, ватное облачко, словно наколотое на осоку.

Темная громада состава поплыла мимо. Паровозная гарь на минуту заглушила травяную свежесть, земляной холодок.

– Мама! Кидай мешки-то! Стоять не будет.

Тетка Агаша поставила на просмоленные шпалы тяжелый деревянный чемодан. Переждала, пока, засвистев и заскрежегав, прополз и ушел в белую даль ночной поезд.

– Доехала! – сказала она, словно с непривычки вдыхая ошеломляющую свежесть полей, облитых мелким ночным дождем. – И как это они там в Москве дышат?! Здравствуй, дочечка!

От станции до Лугова шесть верст полями. Дорога рыхлая, липкая; от колес летят в стороны комья чернозема, по спицам стегают высокий татарник и осот, обмытые дождем.

– Ну, дела какие у вас в совхозе? – спросила тетка Агаша. – Небось еще с прополкой тюхаетесь? Директор-то новый как там командует?

У тетки Агаши сухая рука, и вот уж год, как определили ей пенсию. Раньше, когда в Лугове был еще колхоз, она кое-что работала: сторожила, ходила полоть, редить морковь, свеклу. Но и теперь, плохо привыкая к своему положению, тетка Агаша вмешивалась в совхозные дела, критиковала и ругалась с бригадирами и учетчиками, если что было неладно. Этой весной приехал в совхоз новый директор, а тетка Агаша перед ним тоже не утерпела, «выказала характер».

Накануне майских праздников перебирали картошку в овощехранилище, открывали сыпные ямы.

– Иди-ка, иди сюда, милоч! – позвала тетка Агаша, завидев приближающегося директора. – Сними-ка очки-то свои, глянь сюда!

Из ямы так и шибануло запахом прели, земляной духотой. Сверху картошка лежала осклизлая, а поглубже – белой кашей.

– Ведь это не картошечка гниет, милоч, а труды наши кровные! Вот оно какое, ваше руководство! Сырую ссыпали, сводочку послали, а теперь вот изволь – понюхай! А картошка-то какая была! Красавица!

Директор, молодой, с непокрытой коротко стриженной головой, в больших роговых очках, пристально посмотрел на тетку Агашу.

– Послушайте, – спокойно сказал он, – что вы кричите? Если я ношу очки, то это вовсе не значит, что я глухой. И я хочу вас спросить: чьи бессовестные руки ссыпали сюда сырую картошку? Мои или ваши? Почему вы тогда молчали, а сейчас шумите?

Не ожидавшая такого отпора тетка Агаша немного опешила, переглянувшись с бабами, прячущими улыбки. Но домой не ушла: целый день помогала разгребать горячую, сопревшую солому, таскать ведерками и рассыпать по лужку оставшуюся «в живых» картошку. А вечером опять подошла к новому директору.

– Ты, милоч Егор Павлович, на меня не обижайся: я не скажу, так, кроме меня, говорильщиков у нас не больно много, привыкли в молчанку играть. А не сказать – грех! До тебя тут всякие бывали, а каков порядочек, сам видишь...

– Даже сквозь очки вижу, – ответил директор, чуть улыбнувшись. – Спасибо вам за помощь...

– Егор Павлович тебя помнит, – сказала Маня. – Это, говорит, та самая, что всегда кричит? В общем, говорит, хоть и беспокойный, но правильный товарищ. И лошадь дал без звука.

– Ну кабы он не дал! – ворчливо отозвалась тетка Агаша. – Когда мы тут колхоз-то на ноги становили, его еще и тятя с мамой не придумали. Да шевели ты кобылу-то! Чего она у тебя как неживая плетется?

Она взяла здоровой рукой кнутик, вытянула лошадь вдоль темной спины.

– Ну, крути хвостом-то! Набаловали вас тут!..

Совсем рассвело. Лугова еще не видно было: оно лежало в ложине, но петушиное пение уже доносилось. У брода через речку сквозили жидкие лозинки, по темной быстрой воде бежала рябь. Сырой берег занавожен, разъезжен машинами, телегами.

– Это тебе не Можайское шоссе, где Витька наш живет, – сказала тетка Агаша, подбирая ноги. – Правее возьми, а то как бы не увязнуть. Черноземушка наш тульский кормит хорошо, а уж про дорогу не спрашивай!

2

Чуть стемнеет, в Лугове прохладно. Туман стелется над вишняком, путается в смородиннике по садам и ползет в ложину за деревней. Трава у заборов холодная, влажная, кусты темные, густые. Над ложинкой старые ветлы с острым серым листом. Утром они светятся насквозь и играют, а вечерами сливаются в одну черную купу. Мух в Лугове мало, зато комарья хватает. Нудно зудят, выживают девчат, засидевшихся в густых палисадниках.

– Ах, нелегкая тебя возьми! – хлопнет кто-нибудь себя по лбу или по голой ноге. – Как собаки кусаются, нечистые духи!

Летний вечер долог. Пропылило по улице стадо, проскрипели воротца, пропускающая скотину.

– Тебя еще здесь не хватало! – замахнулась тетка Агаша на чужую корову, когда та ткнулась мордой в ее калитку. И крикнула через улицу: – Домаша! Загоняй свой частный сектор! Снимай с печки доильный аппарат!

– Ладно смехи-то строить! – выходя с подойником, отозвалась соседка.

Маня вместе с подругой своей Валюшкой ушла на огород. Там вовсю фиолетовым цветом цвела картошка, уже два раза подбитая. Под прохладным листом желтел огуречный цвет, жестко топорщился лук, полз по палкам горох, развесив стручья. Маня с Валюшкой нарвали его полный фартук и, сидя в палисаднике, жевали прямо с сочной сладкой кожей.

У Валюшки круглое, каленое от солнца и ветра лицо. Она с завистью глядит на Маню, к которой загар как будто и не пристаёт: темные ресницы ложатся на бледноватые чистые щеки.

– Ты огуречную кожу, что ль, на ночь привязываешь?

– Больно нужно! Платком покрываюсь пониже, вот и все.

– Надо что-то делать, – озабоченно говорит Валюшка. – А то я за покос вовсе обгорю, как индеец...

– Егор Павлович в очки не разглядит.

– Возьми его себе, и с очками вместе!

У Валюшки старая дружба с Мишей-шофером. Тот, когда на работу в поле возит, только Валюшку в кабинку и сажает. Но с тех пор как появился в совхозе новый директор, многие девчата сами не свои сделались. Это же примечала Маня и за Валюшкой: стала таскать с собой на работу сумочку с зеркальцем, босая теперь никогда на улицу не выйдет, на ночь волосы мочит и на бумажки наматывает. А то еще выдумала в Москву ехать сводить веснушки.

– Гляди, доведешь ты Мишку, посадит он тебя в машину, завезет да в яргу какую-нибудь свалит, – предупреждая сказала Маня Валюшке как-то при случае.

Проводив Валюшку, Маня забралась на прохладную постель в сарае и, как всегда, оставаясь одна, сквозь подступающую дремоту отдалась ласковой и тревожной мысли о своем «зале-точке». Уже третий год Володька Гусев, Валюшкин брат, слал письма из Севастополя.

Начиналось каждое одними и теми же словами: «Добрый день, веселый час! Пишу письмо и жду от вас. Здравствуй, мой дорогой тюльпанчик Маня! Пламенный привет с Черного моря и тысяча наилучших пожеланий в вашей молодой, ярко цветущей жизни!»

А ведь было время, с этим Володькой дрались, бегая вместе в школу, а когда повзрослели, то делали вид, что не замечают друг друга. У Володьки уже усы стали расти, а повадки остались озорные, диковатые. Маню он дразнил «цыганкой» за темные волосы, за большие черные глаза и все норовил ущипнуть, пихнуть в порыве ухаживания.

Уходя в армию и прощаясь с Маней на мостике у пруда, Володька сказал:

– Гляди, цыганка! Будешь с другими завлекаться, приеду – утоплю вот в этом пруде!

А теперь откуда что берется: тюльпанчик, розочка!.. Небось у ребят каких-нибудь спивается. И все же Маня дала себе слово – ждать. Третий год ждет, ни с кем не прошла, не постояла в сумерках. В кино, на танцы – только с Валюшкой. Когда глядела на подругу, иной раз тревожно было и чуть-чуть завидно: время-то идет... Если бы только захотела – и в кабине бы накаталась, и в легковом, и на мотороллере... Нет, вернется Володька, и никто во всей деревне ничего про нее сказать не сможет, пусть знает, что честно дожидалась.

Лежа в дремотной тишине сарая, где пахло сырой травой и березовыми вениками, Маня представляла, как вернется Володька... В морской форме, с якорями! Пройдет со знакомыми ребятами по Лугову, а потом явится в избу. Полы Маня намочит, как желток, постелет пахнущие влагой половички, наденет новое голубое платье и туфли-лодочки, которые брат прислал из Москвы в подарок. Маня знала, Володька к ним придет жить: у Гусевых в избе кроме него да Валюшки еще растут у отца с матерью две дочки да мальчишка. А они с матерью двое...

«Может, еще не захочет в совхозе-то работать, – не без тревоги думала Маня. – До службы все озорничал, с бригадирами ругался. Ну, теперь Егор Павлович ему воевать не даст! Стали бы вместе зимой на курсы ходить: вдвоем и ночью полем не страшно... Только бы пришел!»

Слышно было, как за плетеной стенкой сарая шуршала полынь; разбуженная легким ночным ветром, она сильно пахла и мешала уснуть.

3

Начался покос. Погода стояла – лучше не надо: знойно и с ветром. За день скошенное подсыхало и не ворошенное.

На вторую неделю июля приходился Петров день – престольный праздник в Лугове.

– Егор Павлович приехал. Индивидуально по дворам ходит, – сообщили тетке Агаше соседки. – Видно, боится, не загулялы бы мы.

– С вас станет! – отозвалась тетка Агаша. – В такую погоду сена не собрать – бить вас тогда мало.

– Слава богу, что не ты у нас директор. Тот ходит, уговаривает, а ты прямо бить!

На той же неделе в соседнем селе Воротове, где помещалась контора совхоза, давали аванс. Целый день у конторы и у магазина толкался народ. Набирали в ситцевые наволочки муку и бранили продавца за то, что нет дрожжей.

– Кому-то и на самогон хватает, а нам к празднику пышек поставить не на чем.

Маня поспела в Воротово уже к вечеру, но магазин еще торговал. Купила сахарного песка, муки; хотелось Мане и какую-нибудь обновку, но насчет этого у тетки Агаши было строго.

– Возьми поллитровочку ради Петра и Павла, – предложил продавец. – А то ведь завтра уж не будет.

– А нам хоть и век бы ее не было. – Маня сунула за щеку леденцовую конфету, вышла из магазина.

Воротово – село большое, людное. Прямо за въездом новая школа-семилетка, куда четыре года назад бегали Маня с Валюшкой. Дальше – больница, клуб, новых построек без счета. Изюм всех деревень идут и едут сюда и в магазин, и в клуб, и в контору нового совхоза. Улицы здесь широкие и после дождя пыльные, разъезженные машинами, тракторами. У всех домов огороженные кольями молоденькие рябинки, черемухи, клены.

Уже темнело, когда Маня пошла из Воротова, не дождавшись попутной машины. Через плечо у нее висели два мешка, на полпуда каждый. Миновав брод, стала подниматься стороной по мягкой, оползающей тропке. Услышав за собой плеск воды и шаги, оглянулась.

Брод переходил, разувшись и закатав брюки, воротовский житель Алексей Терехов и переносил новый сверкающий синим лаком велосипед. На Алексее была светлая кепка, шелковая рубашка с замком-«молнией».

Маня не раз, приходя в Воротово, видела каменный тереховский дом, у которого в отличие от других не посажено было ни лозинки, и весь лужок около дома был дочерна выбит курами и гусями. Знала Маня также, что этой зимой Алексей овдовел, схоронил жену и остался с годовалым ребенком.

Пока Алексей обувался, Маня уже порядочно отошла, но он догнал ее.

– Здравствуйте, – сказал он вежливо и даже приподнял кепку. – Желаете, на велосипеде подвезу? Садитесь на раму.

Маня отказалась, хмуря тонкие черные брови. Пошла быстрее, словно думала, что Алексей за ней не поспеет. Но тот шел рядом.

Парень он был рослый, видный. Но волосы и брови до того бесцветные, что Алексея в Воротове иначе и не называли, как Седым.

– За авансом ходили? – осведомился Алексей. – И помногу отвалили вам?

– Кому как, – неохотно ответила Маня. – На круг сотни по две...

Алексей усмехнулся:

– Я за неделю больше получаю.

– Мало ли что... У вас специальность. А где вы теперь работаете?

– В Белове на спиртовом заводе.

Маня вспомнила, что, когда бывала в районном центре, в Белове, видела портрет Алексея на Доске почета в городском парке. Снят он был в этой же светлой кепке, при галстукке, улыбающийся и торжественный. Вспомнила Маня и то, как лет шесть назад, когда еще они с Валюшкой учились в школе, посылали учеников вязать снопы за самосброской. На самосброске сидел Алексей, почерневший от солнца, пыльный, худой и неразговорчивый.

– К вам в Лугово иду. Не купит ли кто у меня «КВН». Мне в Туле обещали «Рекорд» достать.

«Любишь ты похвалиться», – подумала Маня.

– А у вас лично телевизор имеется?

– Нету... Приемник только.

– Вот приобрету «Рекорд», будете у нас в Воротове, заходите передачи смотреть.

Миновали луга. Маня смотрела в сторону, на голубые звездочки васильков в набирающих колос хлебах. Были бы порожние руки – сейчас бы нарвала цветов на комод поставить. Но мешки уже порядочно надавили ей плечи. Маня шла скособочившись, придерживая мешки обеими руками.

– Давай хоть груз-то твой подвезу, – почему-то переходя на «ты», снова предложил Алексей. – А то тебя под ним повело. Останешься еще кривобокая, никто и замуж не возьмет.

Маня сердито фыркнула, с трудом переложила мешки с правого плеча на левое.

– А ваше какое дело? – спросила она почти грубо. – Садись да поезжай себе...

Алексей пристально посмотрел на Маню своими большими светлыми, как вода, глазами, усмехнулся и, сев на велосипед, поехал вперед.

На другой день, в ту же пору, соседка сообщила тетке Агаше:

– У Лизаветы-продавщицы опять гости. Второй раз с чашкой на погреб бегала.

– Кто же это у нее? – поинтересовалась тетка Агаша.

– Лешка Седой из Воротова. Ящик какой-то приволок.

– Это он телевизор продает, – пояснила матери Маня.

– Скажи! – удивилась тетка Агаша. – Будет, значит, и у нас в Лугове телевизор. Лизавета – баба простая. Всё когда позовет поглядеть.

Почти темно было, Лизавета-продавщица окликнула Маню со своего крыльца. Маня неохотно зашла к ней в сенцы. Там стоял уже знакомый синий велосипед. В комнате за столом сидел Алексей.

– Садись, Манявочка, – пригласила Лизавета. – Вот хочу тебя с товарищем одним познакомиться.

Маня растерялась и ничего не ответила. Сидела молча, дожидаясь, пока скажут, зачем звали. Но Алексей не спешил. Время от времени поглядывая на Маню, объяснял Лизавете, как настраивать телевизор.

Маня, так и не дождавшись дела, поднялась. Алексей хотел было пойти за ней, потом сделал знак Лизавете. Та вышла вслед за Маней на крыльцо.

– Ты чего меня звала-то? – нетерпеливо спросила Маня.

– Не догадываешься? Алексей познакомиться хочет. – И, заметив, как досадливо дернула плечом Маня, Лизавета зашептала: – Да ты погоди! Он ведь серьезно. Ты ему понравилась очень: девчонка, говорит, тихая, небалованная. А знаешь, сколько у него после Антонины добра осталось! Баба-то была оборотистая, хозяйственная. Обстановка у них хорошая, посуда. Вон телевизор новый покупать хочет.

– Может, еще чего есть? – с усмешкой спросила Маня.

– Говорю тебе, всего полно! – не поняв, горячо продолжала Лизавета. – Дошка осталась, два пальто, а платьев я даже не представляю сколько! Правда, Тонька была рослая. Ну, из большого маленькое всегда можно сделать.

– Нет уж! Скажи ему: пусть другую, рослую ищет.

И Маня сошла с крыльца. Лизавета вдогонку ей крикнула:

– Гляди, девка! Ты не пойдешь, другие найдутся. Ты, может, из-за ребенка?

– А ну тебя! – не оборачиваясь, бросила Маня.

Дома матери она ничего не сказала: еще схватится, побежит ругаться. Такую покажет Лизавете дошку, что всю деревню на ноги поднимет. И чудная же в самом деле эта Лизавета: ведь все Лугово знает, что Маня ждет Володьку, так нечего глупости предлагать...

4

Раннее безросное утро. В Лугове над каждой крышей дымок: хозяйки, поднявшись до света, пекут праздничные пироги. Не переставая, скрипит колодезь: достают ледяную голубоватую воду, разливают по эмалированным ведрам; они у всех одинаковые, под зеленый мрамор, в один день купленные в воротовском сельмаге.

Шести не было, приехал Миша-шофер на своей трехтонке, остановился у колодца залить машину.

– Миш, ты с сеном в Воротово поедешь, захвати оттуда Егора Павловича. Пусть он наших пышек луговских попробует.

– Только ему и дела – ваши пышечки! С механизаторами воюет: двое граблей заporоли и копнитель.

– И чего они там в Воротове срамотятся? У них и покосы-то гладкие, как плешь. Не то что наши яруги.

В шесть часов, с граблями на плечах, принаряженные, собрались у Агашиного двора. Миша-шофер подал трехтонку.

– Гляди-ка, лавочек вам понаделали! – заметила тетка Агаша. – Небось теперь не растрясется.

– А тебе что, тетя Агаша, завидно, что ль? – улыбаясь, спросил Миша. – Садись и ты, прокатим.

Тетка Агаша сурово посмотрела на него. Пошла было в дом, но остановилась на порожке.

– То-то и есть, милоч, что завидно. Была бы при возможности, поработала бы не хуже людей.

Луга раскинулись остриженные, сухие. Змейками ползли по ним пожелтевшие рядки. Ближе к берегу рядки эти густели, зеленела в них не поблекшая еще осока.

– Пока технику поджидать станем, сено-то зазвенит. Давайте уж, бабы, в грабли его...

– Эдакую-то махину?! А мечтали – к обеду домой.

– Ладно, глаза страшатся, а руки делают. Девчата, заходите от берега!

Утренний холодок ушел, стало сильно припекать. На луг набежали высокие, нагретые солнцем сухие валы. Лозинки на лугу посерели, сникли. На нескошенных местах, по закрайкам, вяли крупные голубые колокольчики. Но ромашки стояли не клонясь, бойко топорща свои белые лепестки.

– Ты чего, подружка, больно сердитая сегодня? – спросила Маня у Валюшки, хмурой и неразговорчивой. – Не выпалась, что ли? Гляди, я тебе все пятки граблями побью. И не озорничай, гребь чище, а то бабы тебе дадут!

– Может, Егору Павловичу пожалуетесь? – буркнула Валюшка.

– А что? И пожалуемся, если придет.

Солнце уже стояло над головой, от сухой травы несло жаром. Почти бесшумно подкатила по мягкому лугу Мишина трехтонка. Еще на ходу выскочил из кабинки директор.

– Что, Егор Павлович, у техники-то, видать, тоже нынче престольный праздник? – крикнули ему бабы.

Он ничего не ответил, быстро прошел между высокими валами, едва заметный в своей желто-зеленой рубашке, небольшой и дочерна загорелый. По свежим масляным пятнам на рукавах и не дочиста отмытым рукам видно было, что только что вылез из ремонтной мастерской. В обед пришли трактор с волокушей и копнитель. Как живые, поползли шумные вороха сена, а солнце выжигало остриженный, подурневший луг.

В два часа слышно было, как в Белове прогудел кирпичный завод.

– Знаете что, – сказал Егор Павлович, поймав несколько вопрошающих взглядов, – я понятия не имею, что у вас такое сегодня: Иван Купала или Илья Пророк. Но в общем, я думаю, женщинам можно будет отправиться домой. А девушки задержатся, подгребут за подборщиком. По-моему, дело у нас уже в шляпе. Как вы думаете? Зимой коровы нам скажут спасибо.

– Душа-мужик! Провалиться на месте! Не догадались пирожка-то ему... Может, не евши... – переговаривались покосницы, почти бегом направляясь с луга.

Маня с Валюшкой шли домой последними. Валюшка по-прежнему хмурилась и молчала.

– Погоди, Валь, я цветков нарву: все же у матери праздник.

Вместе поднялись на бугорчик, где качались нескошенные ромашки и отбившиеся от ближних хлебов васильки и куколь.

– Вон колоколец в кустах сорви. Да не там, вон тот, крупненький... Что ты нынче как мешком ушибленная... – Маня даже засмеялась.

– Зря ты смешки строишь, – угрюмо сказала Валюшка. – Давай на минутку в лозинки сядем, я тебе дело одно скажу... Только дай честное слово, что дружбу не нарушишь!

– Да ты чего это? – спросила Маня растерянно. Валюшка помолчала, собираясь с духом. Потом сказала:

– Ты Володьку нашего не жди, не вернется он... Письмо вчера получили: нашел себе там в Севастополе... какую-то. Расписался.

У Мани дрогнули ресницы. Как можно равнодушнее, не глядя на подругу, уронила:

– Больно он нужен, ждать его!

– Ты на меня-то хоть не обижайся, Манявочка, – жалобно попросила Валюшка. – Хоть он мне и брат родной, но прямо скажу: змей!

– Да пускай себе женится на здоровье, – стараясь унять дрожь в губах, прошептала Маня.

– Я про него и думать-то забыла...

С минуту сидели молча, теребили пальцами сухую траву.

– В клуб-то уж сегодня не пойдем? – нерешительно спросила Валюшка. – А то Егор Павлович приглашал, сказал, танцевать будем...

– Да отвяжись ты! – вдруг со слезами сказала Маня.

– Вот... А говорила, не обидишься... Эх ты, подружка!

И обе заплакали: Маня от обиды, Валюшка от жалости. Домой шли молча, утомленные длинным жарким днем и пролитыми слезами. Подходя к дому, Маня вспомнила, что забыла в кустах, где сидели с Валюшкой, нарванные цветы, и слезы вновь одолели, задушили ее.

Сидя с матерью за ужином, Маня то и дело откладывала ложку и смотрела в окно, сжимая губы.

– Ты чего это плохо ешь? – полюбопытствовала тетка Агаша. – По-городскому, что ль, фигуру соблюдаешь? Гляди, дособлюдаешься! Нос-то стал как шило.

– Не для кого мне фигуру соблюдать, – чуть слышно сказала Маня.

– Так уж и не для кого? Скоро небось красавец-то твой придет.

Маня всхлипнула.

– Вот еще оказия! – допытываясь, в чем дело, озадаченно покачала головой тетка Агаша.

– Ну и парни пошли, грозой их расшиби!

И поспешно добавила:

– А плакать тоже особо не приходится: таких-то Володек в базарный день пяточок пучок, да и то не берут.

– Все ж обидно, мам! Ведь сколько ждала! – вытирая слезы, сказала Маня.

– Да это само собой, что обидно. А ты форса не теряй! Держи нос повыше. Здесь тебе не найдется – Витька московского подыщет.

Но и сама тетка Агаша есть не смогла. Ужин так и остался почти нетронутым.

«Такую девку обидел, демон его разорви! – с сердцем подумала она, глядя на Маню, которая как будто на глазах осунулась. – Да, первую любовь – ее из сердца легко не выплеснешь! Бывает, на всю жизнь занозой остается...»

5

У Гусевых в саду, в смородиннике, был старый шалаш. В нем сживала Маня со своим «залеточкой». Сейчас, забравшись туда вдвоем с Валюшкой, Маня не утерпела, рассказала, как присватывался Алексей Терехов.

– А что? – подумав, сказала Валюшка. – Он, между прочим, довольно симпатичный, самостоятельный. Не нашему дураку чета!

– Да ты что, серьезно? Он ведь старик...

– Пробросаешься такими «стариками». Предрассудок это насчет «стариков». Была бы любовь... Другой молодой, а что у него на уме, ты знаешь? А этот не шпана какая-нибудь...

Валюшка все еще чувствовала себя виноватой перед Маней за брата, а потому хотелось ей, чтобы кончились Манины переживания. И все же Мане не верилось, что подруга искренне советует. Уговаривает, а сама небось думает: быстро забыла давешние слезы!

Матери про Алексея Маня ничего не сказала, да он с неделю и не появлялся в Лугове. Маня решила: отстал, а может, и другую приглядел, пока она ерепенилась.

Но Алексей не отстал. Он прошел по Лугову и, задержавшись у Маниного дома, заглянул в окна.

– Он за выгоном стоит, ждет! – прибежала Валюшка. – Вот, а ты говорила, не нуждается! Пойдешь?

– Зачем я пойду, Валь? Ты сама подумай...

– Ну, как хочешь. Уж больно ты гордо себя ставишь. Может, ты повыше на кого располагаешь?

Чуть было не поругались. Обе сидели надутые, расстроенные. Потом помирились, но Маня никуда не пошла. Рубашка Алексея долго белела на выгоне, и уж совсем поздно было, когда он сел на свой синий велосипед и уехал.

«Вот ведь не отстаёт, добивается своего, – думала Маня, увидев Алексея еще и еще раз в Лугове. – Не всякий так будет... Такой бы, пожалуй, не обманул».

Порой даже казалось Мане, что зря она ерепенилась. Все уж Лугово знает, что бросил ее Володька... Такие секреты в деревне долго не прячутся. Самое бы теперь время доказать, что уж не вовсе она никому не нужна. Но когда сравнивала Маня изменника Володьку, озорного, пухлощекого, как и Валюшка, совсем молодого (ведь погодки с ним!), с Алексеем, чересчур спокойным, белобрысым, с глазами, как вода, становилось страшно: ну как вот такого полюбишь? С ним рядом-то сесть страшновато, не то что...

Уж уборочная началась, Валюшка сообщила Мане по секрету, что собирается приехать в Лугово Володька со своей молодой женой. И у Мани словно все внутри оборвалось. Но не выдала себя, сказала, зло поджимая губы:

– Будете Владимиру писать, напишите, что не так уж тут по нем плачут. Сама еще, может быть, замуж выйду... Пусть больно-то не величается!

Этим же вечером Маня вышла к Алексею. Он ждал ее за Луговым, спрятав велосипед в кусты.

Некоторое время стояли молча. Алексей отгонял от себя и от Мани комаров.

– Сожрут нас тут, лучше походим: на ходу не так липнут.

Они пошли по сырой тропке, вспугивая лягушат, которые прыгали в густую мокрую траву.

– У вас здесь болотом тянет, – заметил Алексей. – А у нас в Воротове по всей ночи сухо, ног не замочишь. Лопухов тут, крапивы – все брюки захлестало.

Снова молчали.

– Вы, Маня, не забыли, что вам тогда Лизавета говорила?

– Про чего? – стукнув зубами от волнения, спросила Маня.

– Насчет меня... Врать я не буду и обманывать не хочу. Пойдешь – давай распишемся, а нет – так и знать буду.

Видя крайнее замешательство Мани, Алексей добавил:

– Я вам честно говорю, Маня: вы не пожалеете. За мной будете жить как за каменной стеной. А что ребенок у меня, так вам стеснения не будет: тетка у меня живет, за ним смотрит. А вообще, если хотите, можно девчонку к Тониной сестре в Елец свезти, она хотела взять.

– Да нет, это ни при чем... – Маня не глядела Алексею в глаза. – Очень как-то все быстро... Надо подождать.

– Ждать не приходится, все ж у меня хозяйство.

«На что мне твое хозяйство? – с тоской подумала Маня. – Хоть бы догадался, про любовь сказал... А он, наверное, и слова этого не знает».

Но Алексей понял.

– Маня, – сказал он тихо, – Антонина моя была баба твердая, неласковая. А на вас я гляжу – вы на нее не похожие. Только бы, Маня, между нами согласие было! Только бы согласие! Все тогда для тебя сделаю. Скучно мне одному-то, честно скажу вам, Маня!.. А кого попало замуж брать я не хочу...

Но слова «любовь» Алексей так и не сказал, вместо него, видно, сказал «согласие».

Расстались они, еще в деревне огни не гасили. Когда Маня подошла к своему дому, из палисадника выскочила Валюшка... Услышав, что Алексей зовет расписываться, подскочила от радости.

– Вот погуляем-то! И Володке нос утрешь: еще пожалеет, что взял там какую-то... – И попросила: – Мань, дашь мне на свадьбу шарфик твой надеть розовенький?

Первый желтый лист и первый холод. Днем в Лугове пусто: все уходят в Воротово на молотьбу. К вечеру возвращаются домой на Мишиной трехтонке, запорошенной желтой полови.

– Не маленько этот год соломки наворочали. Егор Павлович сказал, излишку на топку отпускать будут.

– Шикарно больно на топку-то, и коровке скормишь. Червонная соломка-то, пушистая!

У тетки Агаши к Маниному приходу – белая лапша, запеченная картошка, соленые грузди, изрубленные с луком.

– Садись, Валек, закуси с нами, – предложила тетка Агаша. – Кисель еще сейчас внесу.

– Сказала матери? – улучив минутку, шепотом спросила Валюшка у Мани. – Э, да ты разве скажешь! Хочешь, я?

После ужина Маня ушла в огород, легла в межу за побуревшую картофельную ботву, а Валюшка дипломатично подступила к тетке Агаше.

– Ты что за докладчик? – оборвала ее тетка Агаша. – У нее у самой что, язык отнялся? Вот я ее сейчас из картошки рогаком выгоню! Невеста сопливая!

Потом все трое сидели на огородной меже и разговаривали горячо, но негромко, чтобы не слышали соседи.

– Не думается мне, чтобы по душе он тебе был, этот Алексей, – говорила тетка Агаша. – Ты Володке досаду хочешь сделать. Гляди, девка, как бы самой себе досады не нажить. На какого нарвешься, а то и жизни не рада будешь. Я с твоим Алексеем хлеба-соли не ела, но, думается, в рот ему палец не клади... Народ-то помнит, как его в плохой год из колхоза

словно ветром сдуло. Кому-кому, а уж ему-то и тогда жить можно было: не полный угол у него иждивенцев, и в ту пору в штиблетах, при галстучке ходил.

Валюшка поспешила Мане на помощь:

– Что ж, тетя Агаша, он парень культурный, интересный...

Тетка Агаша сердито махнула здоровой рукой:

– Понимаешь ты! Культурный, интересный! Что шляпу-то надвинет на белесые-то бельмы, так тем и культурный? Где у них, у таких-то вот, культура была, когда разбежись, колхоз без единого механизатора оставили? Пока горькая нужда была, носились с ихним братом: механизатор в деревне – первый человек. Кому чего нельзя, а Алексей этот, бывало, колхозным тракторишком себе клин запашет – от света до света не обойдешь. А потом, как из колхоза-то смылся, катит, бывало, на своем велосипеде со спиртового, а бабы с тяпками тюкаются на поле. «Привет, – кричит, – тетеньки! С сорнячком воюете?»

– Ведь не он один, – уже слабо сопротивлялась Валюшка.

– А на других-то и вовсе наплевать: мне не за них дочь отдавать. Нам хором расписных не надо, был бы свой человек, в деревне не чужой. А этот как пень среди рощи торчит: сок тянет, а ни пользы никому, ни радости. Землю колхозную под себя подобрал, а подступись к нему с колхозной нуждой, ты думаешь, поможет? Тут вот года три назад всем правлением просили, чтобы вышел хоть в воскресенье, в ремонте помог. Знаешь, чего сказал?... «У меня, – говорит, – по воскресеньям три праздника: банница, блинница и жена-именинница». А и пошел бы, так слупил не маленько. – А сама подумала: «Девке ведь двадцать – не все же за руку водить да веником грозить...»

Вечером, ложась спать, сказала Мане сурово:

– Вот чего, красавица! Ты это дело еще обдумай: там ребенок. Не примешь его к сердцу, лучше не ходи. Досаду свою на чужом дите вымещать не следует, дите не виноватое.

И тут услышала, как горько задышала Маня.

– Ну, чего еще? – дрогнувшись голосом, спросила тетка Агаша.

– Мам! – со слезой сказала Маня. – Как мне после такого обмана здесь жить? Вся деревня знает. А тут, говорят, скоро приедет... Я бы сейчас не только в Воротово, за сто верст отсюда подалась бы...

6

После свадьбы Алексей привез Маню к себе в Воротово.

Прошли через большие темные сени в кухню. Там на подстилке на полу сидела годовалая девочка, вся в отца: «седая», белобровая, с очень светлыми, как вода, глазами. Старуха, тетка Алексея, подняла ее и унесла из избы, чтобы «не мешалась».

В просторной горнице было довольно чисто. Видно, старуха прибралась к приезду «молодой»: вымыла полы и окна, но зеркало в гардеробе протереть забыла, и оно было мутное, невеселое.

Алексей показал Мане новый «Рекорд», раскрыл гардероб, горку с посудой.

– Когда диваны в магазин привезут, первый – наш, – пообещал он. – И еще хочу лампу такую на потолок... побольше, с цветами.

Тетка Анна собрала в кухне на стол: творог со сметаной, сало, накрошила луку и огурцов.

– Что это как мух много? – нерешительно спросила Маня, видя, как облепили чашку. – Бумаги бы, что ли, какой...

– Нешь всех переловишь? – отозвалась старуха. – Со двора летят, с навозу... Заели, окаянные!

Есть Мане совсем не хотелось, и она потихоньку отложила ложку. Глазами она встрети-лась с теткой Анной, которая принесла ребенка с улицы, кормила и гладила по белой голове

девочки своей черной сухой рукой. Вспомнив слова матери, Маня опустила глаза и тихонько прошла за Алексеем в горницу.

– Ты что это как гостя сидишь? – ласково спросил Алексей, заметив, что Маня сидит неподвижно и смотрит перед собой невидящими глазами. – Ты будь как дома.

Он подошел, взял ее за плечи, поднял, прижал к себе.

– Ой, погоди! – слабо вскрикнула Маня.

– Сколько же годить, а, Манечка? Да что ты все на дверь оглядываешься?

Руки у Алексея были тяжелые, крепкие. Маня поняла: из таких не вырвешься.

За окнами холодный рассвет, а в доме напряженная, тихая духота, в которой нельзя ни спать, ни думать. Слезы особенно солены и тут же просыхают.

Вот за стеной в первый раз глухо мыкнула корова, и Маня, вздрогнув, подняла голову.

– Лежи, – сонно сказал Алексей. – Тетка подоит и выгонит.

Маня все же отвела его большую влажную руку от своего плеча, встала, быстро оделась и вышла в кухню. Там было еще темно, но старуха уже копошилась у печи.

– Поднялась? – словно удивившись, спросила она. – Спала бы...

От старухи не укрылись стыд и смятение Мани.

– Свет-то у нас третий день не горит, – поспешно сказала она. – Уж я Леше говорила... Ты посиди здесь, я пойду подою.

Через двойные рамы в небольшое окошко шел слабый свет. Ребенок лежал в люльке, подвешенной к потолку, и тревожился. Маня тихо подошла, откинула положок, посмотрела на девочку. Ту, видно, забыли с вечера умыть: щеки и кулачки были чем-то вымазаны.

Заслонка у печи уже была отнята, заложена топка. Налиты водой чугуны; у печи лоханка с крупной черной нечищенной картошкой, тут же пустые ведра. Все говорило о том, что сидеть некогда, нельзя.

Маня взяла ведра, вышла на улицу, еще безлюдную. Держась поближе к заборам, пошла к колодцу.

Когда вернулась в избу, тетка Анна цедила молоко. Руки у нее рядом с белым пенным молоком казались особенно темными и худыми.

Маня слила воду в большой черный чугунок. Каким-то не своим, перехваченным голосом спросила:

– Мыть картошки?

– Намой маленький чугунок, в завтраке поедите. А скотине я уж сама намою.

Проснулась девочка, села в люльке. Тетка Анна, выходя из избы, попросила Маню:

– Погляди, касатка, за девкой. Она у нас бедовая, не упала бы.

Маня, оглянувшись на дверь, за которой Алексей причесывался перед зеркалом, подошла к ребенку. Поглядела – мокрый.

– Это чья тут девочка? – шепотом спросила Маня, потянув ребенка из люльки. – Это чья тут бесстыдница? Кого это медведь-то в лес утащит?

Девочка сразу заплакала.

– Ну, завелась! – вышел из горницы Алексей. – Чуть чего, заревет, слюни распустит. Давай ее сюда.

Он взял у Мани девочку и вынес, чтобы отдать старухе.

«И ее он не любит!» – с каким-то страхом подумала Маня.

Сели завтракать. Тетка положила Алексею и Мане по паре вареных яиц, себе не взяла. Но Алексей ни яиц, ни сала есть не стал, навалился на картошку, которую Маня сварила очищенную, с солью и запекла в печи.

– Сегодня картошка что-то особенная. У тебя, тетка, такой никогда не бывало.

– Где уж мне... Теперь тебе жена молодая варить будет, – сухо отозвалась старуха. Но, чтобы не обиделась Маня, поспешно добавила: – Чищенная, конечно, лучше. Было бы время... Гляди-ка, даже Люська ест!

У тетки Анны были опущенные, изрезанные, как ножом, щеки, маленькие добрые зрачки в припухлых красноватых веках. Когда Алексей, уходя, обнял Маню и поцеловал, в глазах у старухи вместе с удивлением засветилась и радость, задрожали щеки: видно, прежде здесь такие нежности не водились.

Когда Маня, проводив Алексея, вернулась в избу, старуха поспешно отодвинула от себя банку с молоком, накрыла какой-то тряпкой белую пышку.

– Чего ж мало покушала? – излишне ласково спросила она Маню. – Съешь вот салыца. С любовинкой салыце-то, хорошее...

Маня села против старухи, помолчала, потом спросила тихо:

– Чего делать-то будем?

– Ты теперь хозяйка. Что скажешь, то и делать будем. – И, заметив, как дрогнули у Мани губы, поспешно предложила: – А то легла бы, полежала... Работы – ее вовек не переделаешь. Ляжь, миленькая! Я одна управлюсь.

Маня покачала головой. Пряча невольные слезы, прошла в горницу, застелила постель, ей чужую, на которой когда-то, не так давно, спал Алексей со своей Антониной. Фотография ее еще висела над постелью. На Маню невидящими глазами смотрело большеглазое крупное лицо с фигурной челкой на лбу. Фотограф, видно, «постарался», и оттого лицо выглядело и грубее, и старше. «Через жадность свою погибла, – вспомнила Маня, как рассказывали бабы. – Мыслимое ли дело – на открытой машине, на мешках, до самой Москвы... А снег, а холод... На рынке-то, говорила потом, сама не своя стояла. Домой до станции чужие люди, спасибо, довели. В два дня сгорела. Тысячу выручила, а на похороны небось двух не хватило».

Прикрыв дверь в кухню, Маня открыла гардероб. Там висела та самая дошка, которой Лизавета не так давно соблазняла Маню. Стояли две пары бот высоких – резиновые и фетровые, которые, Маня знала, уже теперь были не модные. Лежали почти не ношенные туфли, ботинки на меху, шелковое белье, чулки...

Дверь скрипнула, с опаской заглянула тетка Анна. Маня отпрянула от гардероба, будто ее застали за чем-то плохим.

– Я спросить хотела, что больше уважаешь: кулеш или каши покруче? – спросила старуха, сама не менее Мани смутившись.

– Я все ем... – покраснев, сказала Маня.

Они стояли друг против друга и смотрели друг другу прямо в глаза, словно решали, как им жить вместе... И тут Маня окончательно разглядела, как грязна, бедна и загнанна была тетка Анна. Вот тут, в гардеробе, в больших, окованных железом укладках, лежало добро: ситцы, сатины, шелка... А на старухе, на черной ее кофте, не видно было из-за грязи белого гороха. На фартук, о который она вытирала и руки, и посуду, и ребенка, было нехорошо смотреть. И все в тетке Анне было словно укором ей самой, Мане: старуха и легла позже всех, и встала раньше, и спала, наверное, плохо – мешала девочка. С утра уже усталая, сторбленная, на кривых ревматических ногах, тычется босиком то по двору, то у печи. Осклизаясь по грязному, занавоженному полу сарая, выгоняет телка, тащит его на веревке на выгон.

Потом толчет картошку свинье, крошит кашу гусям и тут же смотрит за ребенком. Да, здесь, в горнице, была, видно, одна жизнь, а за стенкой, в кухне, – другая. Там одна работа, там зло гудят мухи, копошатся цыплята, гусята, заходят петух и куры, и их некогда выгонять.

– Тетенька, – дрогнувшим голосом сказала Маня, – вы меня не бойтесь, я вас не обижу. Ешьте, что захотите, все берите... Вы будете хозяйка, а я вам помогать буду.

Тетка Анна недоверчиво поглядела на Маню своими прижмуренными красноватыми глазами. Маня против покойной хозяйки казалась ей махонькой, как щепотка.

– Это еще как придется, ягодка, – сказала она и почему-то оглянулась. – Навряд меня кто здесь хозяйкой поставит. Леня твой боится, как бы я даром хлеба не съела. Известно, какая от старухи работа: тычешься день-деньской, а работы не видно. И виноватить некого: другие вон в колхозе по тридцать лет отработали, пенсию получают. А я все по людям... В войну осталась одна как перст, испугалась: как прожить? Да вот с тех пор... А за доброе твое слово спасибо. Сама на полдни пойдешь?

День тянулся медленно, хотя Маня и старалась не сидеть без дела: вымыла полы, постирала детское белье, сходила в огород. Там в черных бороздах под буйным пожелтым листом лежали рыжие пузатые огурцы. Помидоры глушили полынь и лебеда, завивала повилика. Маня обобрала огурцы, принесла их в сени.

– Куда их такие? – спросила она тетку Анну.

– Они-то! Может, Лешка соберется в Белов свезет, продаст. – И словно почувствовав в словах Мани немой вопрос, старуха добавила: – Тонька-покойница все поспевала, ничего у нее мимо рук не шло. Да тебе с ней и не равняться: баба была здоровущая! Пока такую кругом обойдешь, калач можно съесть. Не знаю уж, как вы теперь будете... Сам-то Алексей до всего доходить не привык. Люди вон по три костра топки нарубили и свезли, а наш, видно, надеется, совхоз или исполком даст. А ведь какая зима...

– А что, холодно у вас? – вздрогнув, как от предчувствия, спросила Маня.

– Как топить, а то и снег по углам лежит. Особое дело весной: дом-то каменный, у стенки и не садись – так холодом и шибает.

«Будешь за мной как за каменной стеной», – вспомнилось Мане. И она подумала о маленьком домике матери: всегда у них зимой тепло. То ли печь покойный отец так умно сложил, то ли мать была топить мастерица: топки, бывало, принесет на одной здоровой руке, а печь до вечера теплая, и всегда полон чугунок горячей воды: хочешь – мойся, хочешь – стирайся.

Заметив, как подавлена Маня, тетка Анна сказала:

– Ничего, миленок, может, и обживешься. Что ж делать? Зато муж у тебя теперь, хозяйство. А еще попрошу: девочку-то не обижай. Славненькая такая девочка, смышлененькая! Пяти месяцев без матери осталась, что я с ней муки приняла!

Маня поглядела на девочку, которая, ухватившись за старухин подол, ковыляла по избе, не отходя ни на шаг, словно боялась остаться одна с мачехой.

– Поди сюда! – позвала Маня девочку.

Та замотала белобрысой головой, спрятала лицо в складках старухиной юбки, потом осторожно выглянула.

– Помани, помани еще, – посоветовала тетка Анна. – Она пойдет, пойдет!

И девочка пошла. Маня взяла ее на руки, потом понесла умывать.

– Давай я тебя расчесу, ленточку заплету. У меня ленточка есть, такая розовенькая! Папка придет, а мы с ленточкой.

Алексей вернулся непоздно. Долго плескался в огороде, сливая из рукомойника на покрытые пылью руки и шею. Снял все рабочее, надел чистую рубашку, причесал голову перед зеркалом, примочил ее одеколоном и только тогда сел за стол. Сидел он прямо, не горбясь. Лицо у него было спокойное, и если бы не слишком уж «седые» волосы, то даже и красивое.

«Ведь это же муж мой теперь... – подумала Маня. – Ведь надо же чего-то ему сказать...»

И спросила тихо:

– Леня, может, в клуб вечером пойдем?

– Чего мы там не видели-то? – отозвался он добродушно. – Лучше посидим, телевизор поглядим. А то, хочешь, патефон пушу.

Сестры Федоровы пели хорошо, душевно. Но Мане нестерпимо было слышать, как в кухне плачет Люська, а старуха бранит не поймешь кого – то ли ребенка, то ли петуха, который назойливо лезет в сенцы клевать огурцы: «А, пропасти на тебя нет!» – и гремит посудой,

чугунами. Маня думала, что ведь завтра с утра на работу с бригадой в поле, и надо бы старухе топки порубить, воды наносить, накопать картошки...

– Я пойду, Леша... – поднимаясь, сказала Маня.

– Да посиди, а то тетке делать нечего будет. – Он потянул ее за руку, а потом и вовсе запер дверь на крючок.

Мане стало страшно. Так страшно, как будто заперли ее на большой замок в этом неприятном доме и не увидит она больше ни людей, ни зеленой травы, ни яркого солнца над Луговым.

7

Шла она с поля. В спину дул холодный ветер. Телогрейка, платок – все было мокрое: уже несколько дней подряд зарядил дождь, не давая выбрать картошку. В бороздах грязи по колено, ног не вытащишь – словно гири, на них чернозем... На дворе уже октябрь, а у них с Алексеем тридцать соток картошки в поле за выгоном почти нетронутые. Вода в бороздах стоит – ударит мороз, нечего будет и выбирать.

– На кой же черт тогда совхоз твой, если лошади не дают! – недовольно говорил Алексей. – Свою-то небось они убрали, пока погода стояла.

– Ну, а как бы ты хотел? – осмелев, спросила Маня. – Как тот год, когда за пол-литра лошадей давали, а потом из-под снега картошку выгребали? Кто же виноват, что ты такую прорву насадил?

Вечерами Маня сама выбрала мешков пять, упростила Мишу-шофера, чтобы подкинул с выгона до дома. Целую неделю в избе было не пройти: в сенцах, в кухне, даже в горнице была развалена картошка, облепленная подсыхающей землей. Старуха и ребенок стали черны от грязи и пыли, а Мане некогда было ни стирать, ни убираться. Уходила она в совхоз рано утром, а оттуда шла прямо на свою картошку. Осенний же день был короток, темен от дождя и сырости.

– Куда ее столько? – уже со злобой глядя на заполонившую избу картошку, спросила Маня Алексея.

– Сгодится. Мешков десять продашь, возьмешь себе бостону на костюм. Я не препятствую.

Но сам идти на поле с лопатой Алексей не хотел.

– Я побольше тысячи каждый месяц домой приношу. Еще и дома ломаться буду? Ты там перед директором своим очкастым ставь вопрос: пусть лошадь дает, а то ведь и расчет взять недолго.

«Ставить вопрос» Маня не пошла. Наоборот, встречаясь с Егором Павловичем, почему-то опускала глаза, старалась проскользнуть незаметно.

Что было ей возражать Алексею? Деньги Манины против его денег были на мелкий расход. К тому же и жаден он для Мани не был: за два месяца купил ей пальто с каракулевым воротником, шелковые платья.

– Носи, не жалеи.

– А когда мне носить-то? – спросила Маня, взглянув Алексею прямо в глаза.

Носить действительно было некогда: заботы захлестывали, кружили. Корова, свиньи, шесть овец, куры, гуси... Всё, мыча, бляя и кудахча, просило есть, всё тащило за собой грязь.

По первым морозам Алексей приколол барана и овцу, сказал Мане:

– Ты отпросись денька на три – в Тулу съездишь.

– Вряд ли отпустят: кирпич из Белова возим на ферму.

Но идти отпрашиваться все-таки пришлось. В крайнем смущении стояла Маня перед Егором Павловичем. Сказала, что надо в Тулу съездить, кое-что к празднику купить.

Он отпустил на два дня и попросил зайти в книжный магазин купить для него какую-то брошюру, название он записал Мане на бумажке.

Пряча озябшие руки, Маня стояла на базаре около своей баранины, заплывшей белым свечным салом. Стояла мучительно долго, потому что Алексей не велел отдавать дешевле, чем по двадцать пять рублей. Но на второй день махнула рукой, стала дешевить, лишь бы поспеть к ночному поезду: не хотела обмануть Егора Павловича, но брошюры ему так и не купила – нельзя было отойти от мяса.

– Не буду я больше отпрашиваться, – дома сказала Маня Алексею. – Сам-то ты не хочешь: боишься, с почетной доски снимут. А я для тебя не человек...

Алексей пристально посмотрел на нее.

– Что-то ты чудить начала, – сказал он немного удивленно, но браниться не стал.

Зима наступила холодная, и вечера казались невыносимо долгими. За это время почти никто у Тереховых не бывал. Маня думала вначале, что воротовские ее сторонятся, но потом поняла, что и до нее тут так было заведено: прежняя хозяйка гостей не привечала и сама по гостям не ходила. И Мане, привыкшей, что у матери дома всегда народ, было до боли тоскливо и вдвойне холодно. Вон даже у Лизаветы в Лугове, с тех пор как купила телевизор, каждый вечер народ табуном, мостятся к маленькому экрану, громко ахают, обмениваясь впечатлениями. А у них с Алексеем «Рекорд» стоит – экран как окно, а сидят они около него вдвоем, мерзнут... Иногда Маня увлечется, а Алексей вдруг посередине картины или спектакля начнет зевать, а то и вовсе выключит телевизор.

– Хватит эту муть смотреть. Давай спать ложиться.

«Разве же это муть?» – думает Маня, лежа с открытыми глазами, и не может забыть, как рубил Василий Губанов в «Коммунисте» один в лесу дрова, как били его потом кулаками...

Как-то в воскресенье пришла тетка Агаша. Отряса ноги в сених, шагнула в избу. Старуха слезла с чуть теплой лежанки.

– Здравствуй, сваха! – садясь без приглашения, сказала тетка Агаша. – На печке спасаетесь?

Пока старуха ставила самовар, тетка Агаша разглядывала избу.

– С Покрова я у вас не была. Что молодые ваши? На Маньку мою не обижаешься?

– Избави бог! – отозвалась тетка Анна.

Маня в то утро ходила в Белов на базар, носила два бидона молока, в котором плавали белые ледяные иглы. Вернулась озябшая, запорошенная холодной снежной крупой.

– Сливать, стало быть, не носите? – спросила тетка Агаша.

– Леня не велит, – не глядя на мать, ответила Маня. Тетка Агаша помолчала, потом сказала многозначительно:

– Легко, милка, ты своему Лене поддалась. Гляди, не застудишь на базаре, а то придется ему и вторую жену хоронить.

После чая Маня с матерью прошли в горницу.

– Манька, – после долгого молчания заговорила тетка Агаша. – Я слышала такой разговор: Алексей твой хочет тебя с работы снимать. Правда это?

Маня знала, о чем спрашивает мать: как-то они с Алексеем шли по Воротову, и им повстречался Егор Павлович. Алексей бесцеремонно подошел, спросил: «Товарищ директор, расчет моей жене подпишете? А то ведь она на вашей работе все здоровье растеряла».

Егор Павлович пристально посмотрел на Маню сквозь свои очки. «Я в первый раз слышу, что вы плохо себя чувствуете. Но раз вы на нашей работе растеряли здоровье, то наша обязанность о вас позаботиться. Приходите, мы поговорим, если надо, направим на ВТЭК».

Маня готова тогда была сквозь землю провалиться, а собравшийся вокруг народ смотрел на Алексея, щеголевато одетого в синее, тонкого драпа пальто с каракулевым воротником и такую же кубанку, и на Егора Павловича, который, несмотря на позднюю осень, был в своем

темном плаще с потертыми бортами, а вместо хромовых сапог с калошами на ногах у него были тяжелые ботинки, чиненные деревенским сапожником.

– Нет, мама, уж это я по его не сделаю! – вдруг горячо сказала Маня. – Алексею охота, чтобы я всю зиму по базарам таскалась, а на весну опять в совхоз заявление понесла. Совсем-то снимать он меня и не думает: ему тогда с землей расстаться придется, и с коровой, и со свиньями своими... А ведь мне какими тогда глазами на людей смотреть надо? И теперь уж на Егора Павловича хоть не гляди...

– Эх, Маняха! – с грустью сказала тетка Агаша. – Зря я тебя из рук выпустила. Еще в тебя ума-то вкладывать да вкладывать! Кто тебя в эту пучину пихал? Какая неволя? Куска, что ли, не хватало или разута-раздета была? Конечно, с кем промашки не бывает, так добро бы через любовь! А ты неуж же своего белобрысого любишь?

– Что ж, уходить, что ли? Перед людьми срамотиться?..

– Срам невелик. Сама жить не захочешь – так никто тебя не заставит: ни милиция, ни исполком. Только это дело простое – повернуться да пойти. Тут подумать нужно, нельзя ли как жизнь по-другому наладить. Вон она, девочка-то! О ней тоже кому-то подумать надо. Ведь она уже тебя матерью зовет.

Маня заплакала, пошла взяла Люську, прижалась щекой к ее теплой замурзанной щеке.

– Ножки у нее кривые, лечить бы надо... И зубы плохо идут. Уж я Алексею сколько раз говорила.

– Сами мы таких вот Алексеев допускаем, – сердито сказала тетка Агаша. – Молчим много. Объявили: вот он такой-сякой, немазанный, по-ударному работает, планы выполняет! Да портрет его повесили: равняйтесь, мол, все по нем! Что же ему не величаться! Он и рад, думает, что лучше его и нет: работает как положено, взносы куда-то там плотит, рожу никому не бьет. Что работник хороший – это еще не штука: он за это и денежки хорошие получает. А что для людей от сердца-то сделал?

К обеду вернулся Алексей. Агаша уже уходить собралась, но задержалась. Алексей скинул у порога рабочую одежду, сырые валенки, ватник. Тетка Анна засутилась, стала убирать за ним. Согнувшись в три погибели, потянула из печи тяжелый чугунок, чтобы достать теплой воды умываться, начала собирать на стол: резать хлеб, крошить мясо в чашку со щами, бить яйца в сковородку, поставленную на лучинки в загнетке. Маня молча ей помогала.

– Ты это что, зятек, или занемог? – вдруг спросила наблюдавшая за всем этим тетка Агаша.

Алексей удивленно вскинул белесые брови, непонимающе посмотрел на тещу.

– Я гляжу, за тобой ходят, как за роженицей. Не ко времени ты, милоч, холопов-то заимел, подавать да подчищать за тобой.

Тетка Анна испуганно замахала руками:

– Да он-тошь кушает! Я приберу, приберу! Мое такое дело...

Маня стояла бледная, не шевелясь. Но Алексей был спокойной породы: криво усмехнулся, взглянул исподлобья на тетку Агашу и не спеша стал закусывать.

Тетка Агаша тоже сделала вид, что ничего не произошло.

Прощаясь, спросила:

– У вас нет ли книжечки такой: «Катерина Воронина»? По телевизору глядела, так охота бы почитать. Маньку проводила, очки заказала: все ж вечерком когда...

Пряча вновь подступившие слезы, Маня покачала головой.

– Ты еще-то придешь, мам?

– Погляжу, какая зима простоят. А то к Витьке в Москву съезжу, погощу.

Но тетка Агаша в Москву к сыну не поехала: нанялась возить на ферму барду со спиртозавода в Белове. Маня не раз видела, как проезжала мать по Воротову в санях, груженных

бидонами, а рядом с санями шли воротовские бабы, и тетка Агаша что-то оживленно и громко им рассказывала.

Зашла как-то вечером и Валюшка. Маня и обрадовалась, и смутилась: они со старухой парили отруби, и по избе плыл кислый густой пар.

– Зазналась ты что-то! – с обидой сказала Валюшка. – Сколько у нас в Лугове не была! А на курсы-то, что ж, и не думаешь?

– Когда мне?

– Занятая ты стала! – усмехнулась Валюшка. Но, посмотрев пристально в лицо Мани, вдруг осеклась. – Ты не обижайся на меня, Манявочка. С дури я тебе тогда советы подавала. Разве я знала, что нескладно так выйдет?

Обе помолчали. Потом Валюшка застенчиво сообщила:

– А я, Мань, за Мишку-шофера замуж выхожу...

Под Новый год Маня с Алексеем ходили в Лугово к Валюшке на свадьбу. Свадьба была небогатая, не то что Манина, когда Алексей одного вина купил два ящика. И платья у невесты не было такого, как тогда у Мани, которой Алексей подарил отрез на полтысячи.

Валюшка сидела в светлом штапельном платье и прятала под стол ноги в стареньких туфлях. Мане она успела шепнуть:

– Миша в техникум учиться хочет поехать. Мы уж решили зря не тратить. Да и отцу помочь надо: строиться думают.

Но на свадьбе было очень весело. Маня хорошо помнила, что у них так не было.

Еще собираясь на свадьбу, Маня думала: что же подарить невесте? Знала, что Алексей и на дорогой подарок денег не пожалеет, лишь бы удивить людей. Но обращаться к нему не хотела. Решила подарить что-нибудь из своего, еще из дому привезенного. Достала розовый шарфик, который когда-то давала Валюшке надеть на свою же свадьбу. Правда, не новый он, пятно на нем какое-то...

– Спасибо, подружка! – поблагодарила невеста и убрала шарфик поскорее. Неужели знала, что на нем пятно?

Это самое пятно жгло и стыдило Маню, не давало весь вечер думать ни о чем другом. Против воли она улыбалась, но ни есть, ни пить почти не могла.

Был у Валюшки на свадьбе и Егор Павлович. Когда стали танцевать, первой пригласил Валюшку, потом подошел и к Мане.

– Ну, как со здоровьем? – спросил он весело. – Обошлось без ВТЭКа? Польку умеете танцевать?

Алексей на свадьбе вел себя сдержанно, пил мало, разговаривал только с пожилыми. Когда Маня, смущенная и порозовевшая после польки, снова села рядом с ним, он погладил ее по плечу, сказал, наклоняясь к уху соседа:

– Подходящая жена-то у меня? Стараюсь одевать, обувать как положено, чтобы на человека была похожа. Если бы, конечно, посвободнее у нас с этим делом было... нипочем бы ее в совхоз работать не посылал. А то ведь, чуть чего, участок отберут, корму, топки не дадут, ну и заскучаешь тогда на одной зарплате...

Короткая радость Мани разом заглохла: «А я, дура, думала, любит! Старалась поначалу, картошки его проклятые копала, на себе таскала... Хоть бы уж молчал, перед людьми не срамился!»

Но Алексей спокойно продолжал:

– На зарплату туфель на шпильках не купишь, на простые тапки не всегда останется. Корм дорогой, топку слева бери... А между прочим, не знаете ли, кому бы в Лугове велосипед пристроить? Он хороший совсем, но мечтаем к весне мотоцикл приобрести.

Мане было не по себе. Заторопила Алексея уходить. Прощаясь, сказала жениху и невесте, не глядя им в лицо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.